

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
3-81

Émile Zola
LE DOCTEUR PASCAL

Перевод с французского *Е. Яхниной*

Разработка и оформление серии *Е. Анисиной*

В оформлении обложки использована репродукция картины «Девушка в соломенной шляпке», 1884 г. художника *Пьера Огюста Ренуара* (1841—1919)

Золя, Эмиль.

3-81 Доктор Паскаль / Эмиль Золя ; [пер. с фр. Е. Яхниной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Книга в сумочку).

ISBN 978-5-04-100051-6

«Доктор Паскаль» – история любви, которая связала двух очень разных людей и сделала их счастливыми. Доктор Паскаль – ученый, отдавший себя науке и не замечавший ничего и никого вокруг себя. Так продолжалось до тех пор, пока в его жизни не появилась Клотильда – юная, наивная девушка, которая полюбила его всем сердцем. Ее любовь стала для Паскаля ценным даром. Благодаря Клотильде он наконец узнал, что значит настоящее счастье.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Яхнина Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100051-6

*ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ
И МОЕЙ ДОРОГОЙ ЖЕНЕ
Посвящаю я этот роман-итог,
который венчает мое творчество.*

I

Взнойный июльский день в большой комнате с тремя окнами, тщательно закрытыми старыми деревянными ставнями, царил глубокий покой. Сквозь щели рассохшихся ставней пробивались скупые солнечные лучи, и комнату, погруженную в полумрак, наполнял рассеянный свет, мягко озарявший все предметы. Здесь было почти прохладно, но чувствовалось, что на улице, где солнце раскалило стены дома, все изнывает от жары.

Стоя у шкафа против окон, доктор Паскаль искал какую-то рукопись. Резные дверцы огромного дубового шкафа с искусной добротной оковкой работы прошлого века были открыты настежь, и в глубине его чрева виднелись груды бумаг, нагроможденные в беспорядке, папки, рукописи. Уже свыше тридцати лет доктор складывал сюда все свои работы, от кратких заметок до завершенных больших трудов о наследственности. Вот почему здесь нелегко было что-нибудь разыскать. Паскаль терпеливо рылся в своих записях и, найдя наконец то, что искал, улыбнулся.

Еще несколько минут он задержался у шкафа, перечитывая найденную записку, на которую из среднего окна падал золотой луч. Паскалю было под шестьдесят, но он сохранил юношескую осанку, коричневая бархатная куртка плотно облегла его фигуру, черты лица не расплылись, кожа была свежей, а глаза так по-детски ясны, что, несмотря на седые волосы и бороду, он казался в этой полутьме молодым человеком, надевшим пудренный парик.

— Вот что, Клотильда, — произнес он наконец, — перепиши-ка эту записку. Рамону ни за что не разобрать моих каракуль.

И он положил бумагу на высокую конторку, за которой, стоя в амбразуре правого окна, работала молодая девушка.

— Хорошо, учитель, — отозвалась она.

Она так увлеклась рисунком, который набрасывала крупными штрихами пастели, что даже не повернула головы. Подле нее в вазе стояла роза причудливого лилового оттенка с желтыми прожилками. Паскалю была отчетливо видна круглая головка девушки с белокурыми, коротко стриженными волосами, был виден ее прелестный строгий профиль, внимательно нахмуренный лоб, голубые глаза, тонкий нос, упрямый подбородок. Особенно пленяла своей юной свежестью ее склоненная молочно-белая шейка с буйными золотистыми завитками. В длинной черной блузе, очень высокая, с тонкой талией, маленькими грудями, она стройным удлиненным телом и гибкостью стана напоминала боже-

ственно прекрасные фигуры Возрождения. В двадцать пять лет в ней все еще было что-то детское, и она выглядела никак не старше восемнадцати.

— Наведи, кстати, порядок в шкафу, — продолжал доктор. — Там ничего не найдешь.

— Хорошо, учитель, — повторила она, по-прежнему не поднимая головы. — Немного погода.

Паскаль сел за письменный стол, стоявший на другом конце комнаты у левого окна. Это был простой стол черного дерева, заваленный, как и шкаф, бумагами и всевозможными брошюрами. И снова все погрузилось в безмолвие, в сумеречный покой, а там, за стенами дома, нещадно палило солнце. В просторной комнате длиной в десять метров и шириной в шесть стояли шкаф и две массивные полки, загроможденные книгами. Стулья и старинные кресла были расставлены как придется, а стены, оклеенные старомодными обоями с розетками в стиле ампир, украшали только постели с изображением цветов необычной окраски, смутно различимых в полумраке. Резьба на трех двухстворчатых дверях: входной, ведущей на площадку, и двух других, — в спальню доктора и напротив, в спальню Клотильды, относилась к временам Людовика Пятнадцатого, так же как и карниз закопченного потолка.

Так прошел час в полной тишине, ни звука, ни шороха. Потом Паскаль, чтобы немного отвлечься от работы, вскрыл бандероль, забытую на столе, и, развернув газету «Тан», воскликнул:

— Вот как! Твой отец назначен главным редактором «Эпок» — весьма популярной республиканской газеты, в ней публикуются документы о Тюильри.

Этой новости он, по-видимому, не ждал, потому что рассмеялся от души, довольный и в то же время слегка огорченный.

— Право, странная штука жизнь! — продолжал он вполголоса. — Любая выдумка покажется более правдоподобной, чем эта история. Ага, тут есть интересная статья...

Клотильда ничего не ответила на слова дяди — казалось, она унеслась мыслями куда-то очень далеко. Он тоже умолк и, кончив читать, вырезал статью, наклеил ее на лист бумаги и крупным, неровным почерком обозначил дату и название газеты, откуда сделана вырезка. Затем вернулся к шкафу, чтобы присоединить новую заметку к другим. Ему пришлось взять стул — несмотря на высокий рост, он не мог дотянуться до верхней полки.

Здесь аккуратно выстроились в ряд пухлые синие картонные папки, расставленные по определенной системе. Чего только в них не хранилось! Рукописи, листы исписанной гербовой бумаги, статьи, вырезанные из газет. И на каждой папке крупным почерком выведено название. Было видно, что эти документы содержатся образцово, читаются и перечитываются, а затем неукоснительно ставятся обратно; во всем шкафу только на этой полке и был порядок.

Стоя на стуле, Паскаль отыскал нужную папку — одну из самых внушительных, с надписью «Саккар», вложил в нее вырезанную статью и тут же поставил обратно на место в алфавитном порядке. На мгновение он задумался, затем аккуратно поправил грудку бумаг, грозившую рассыпаться. И, наконец, спрыгнув со стула, сказал:

— Клотильда, когда будешь убирать, не трогай папок наверху, слышишь?

— Хорошо, учитель, — покорно ответила она в третий раз.

Он засмеялся и с обычной своей веселостью заметил:

— Это строго запрещается!

— Я знаю, учитель!

Он затворил шкаф, решительно повернул ключ и бросил его в ящик письменного стола. Клотильда была знакома с его трудами и могла навести порядок в рукописях; он охотно поручал ей также секретарские обязанности, давая переписывать набело ту или иную заметку, когда его коллега и друг доктор Рамон хотел с ними ознакомиться. Но Клотильда отнюдь не была ученой, и доктор просто-напросто запрещал ей читать то, что считал для нее бесполезным.

Заметив, что она с головой ушла в свое занятие, Паскаль удивленно спросил:

— Что с тобой? Ты как будто язык проглотила! Неужто ты так увлечена своим рисунком?

Доктор часто доверял Клотильде подобную работу — рисунки карандашом, акварелью или пастелью,

служившие затем иллюстрациями к его научным трудам. Вот уже пять лет он производил очень любопытные опыты над коллекцией штокроз, получая путем искусственного опыления цветы все новой и новой окраски. Клотильда так тщательно передавала оттенок и форму цветка, что Паскаль неизменно восхищался ее добросовестностью, повторяя, что у нее «славная, светлая головка, разумная и смышленная».

Но на этот раз, подойдя к Клотильде и заглянув через ее плечо, он закричал с комическим негодованием:

— Этого только недоставало! Ты опять в мире своих фантазий?! Изволь сейчас же все разорвать!

Она выпрямилась, краска залила ее щеки, глаза все еще горели вдохновением. Зажатые в руке пастельные карандаши раскрошились и оставили красные и синие пятна на ее тонких пальцах.

— О, учитель!

И в слове «учитель», звучавшем в ее устах такой нежной покорностью и полным подчинением, в этом слове, с каким она всегда обращалась к нему, стараясь избегать обычных «опекун» или «дядя», казавшихся ей банальными, — впервые послышалась нотка возмущения, протест человеческой личности, вдруг осознавшей себя и желающей утвердить свое «я».

Она перестала старательно копировать штокрозы и на другом листе за два часа успела набросать гроздь каких-то небывалых цветов, великолепных, причудливых и сказочных. С Клотильдой случалось порой, что, рисуя самый обыкновенный цветок,

она вдруг испытывала потребность отдаться своей капризной фантазии. И, уступая разыгравшемуся воображению, она неизменно повторяла все ту же тему этих необычных соцветий и создавала плачущие желтыми слезами розы с кровавой сердцевинкой, лилии, похожие на хрустальные чаши, и даже цветы не существующих в природе форм, чьи венчики походили то на лучистые звезды, то на зыбкие облака. Сегодня на лист бумаги, крупно заштрихованный черным карандашом, хлынул дождь бледных звезд, целый поток бесконечно нежных лепестков; а в углу рисунка распускался девственный бутон диковинного цветка.

— Ты и это собираешься повесить сюда? — спросил доктор, показывая на стену, где уже висели другие, столь же странные пастели. — Но что же тут изображено, хотел бы я знать!

Сохраняя серьезность, она отступила на шаг, чтобы лучше рассмотреть свое произведение.

— Сама не знаю, но это красиво!

Тут в комнату вошла Мартина — единственная слушанка доктора, ставшая хозяйкой в доме за те без малого тридцать лет, что она у него прожила. Всегда деятельная и молчаливая, в неизменном черном платье и белом чепце на голове, придававшем ей сходство с монахиней, она, как и ее хозяин, тоже была моложавая, хоть ей и перевалило за шестьдесят; на ее бледном умиротворенном лице светлые, выцветшие глаза казались угасшими.

Не говоря ни слова, Мартина опустилась на пол возле потертого кресла, из которого вылезал волос, и, вытащив из кармана иголку и моток шерсти, принялась за работу. Уже три дня ей не терпелось урвать свободную минуту, чтобы заштопать дыру.

— Раз уж вы занялись починкой, Мартина, — воскликнул шутливо доктор, взяв в обе ладони непокорную голову Клотильды, — почините-ка заодно и эту головку, которая дала трещину.

Мартина подняла свои потухшие глаза и с неизменным обожанием устремила их на хозяина.

— Почему вы говорите это мне, сударь?

— Да потому, голубушка, что мне сдается, будто именно вы с вашей набожностью наполнили потусторонними фантазиями эту славную головку, такуюмышленную и разумную...

Обе женщины понимающе переглянулись.

— Что вы, сударь, еще не было случая, чтобы вера причинила кому-нибудь вред. Ну, а если кто с этим и не согласен, то, право же, лучше не спорить.

Наступило неловкое молчание. Только разговоры о боге приводили порой к ссорам эту дружную, всегда согласную во всем троицу. Мартине было всего двадцать девять лет, на год больше, чем доктору, когда она поступила к нему в услужение, а он только начинал свою деятельность врача в маленьком светлом домике нового квартала Плассана. Тринадцать лет спустя один из братьев Паскаля, Саккар, овдовев и собираясь жениться вторично, прислал ему из Парижа свою семи-

летнюю дочь Клотильду, — и Мартина занялась воспитанием девочки, водила ее в церковь, стараясь передать ей свою горячую набожность. Доктор, человек широких взглядов, этому не препятствовал, ибо не считал себя вправе лишать людей счастья, какое дает вера. Позднее он сам взялся за образование девушки, стремясь внушить ей правильные, трезвые взгляды. Так жили они втроем вот уже почти восемнадцать лет, уединившись в Сулейяде — маленькой усадьбе одного из городских предместий неподалеку от церкви Св. Сатурнена, жили счастливо, — доктор был всецело поглощен своими трудами, в которые он не посвящал никого; их безмятежную жизнь нарушало только смутное беспокойство, все резче проявлявшиеся разногласия в вопросе веры.

Помрачневший Паскаль несколько минут ходил взад и вперед по комнате, затем сказал без обвиняков:

— Знаешь, дорогая, все эти мистические бредни совсем сбили тебя с толку... Ваш божестька в тебе не нуждается, напрасно я не уберег тебя от него. Тогда тебе было бы куда легче!

Клотильда не сводила с него ясного взгляда и, дрожа от волнения, все же не сдавалась.

— Это тебе, учитель, было бы легче, если бы ты не смотрел на все только телесными очами... Есть еще нечто другое... Почему ты не хочешь этого понять?

Мартина поспешила прийти ей на помощь, как умела:

— И то верно, сударь, вы праведный человек, об этом я и толкую повсюду, вот вам и пойти бы с нами

в церковь... Что и говорить, бог спасет вашу душу. Но как подумаю, что, может быть, вы не прямо попадете в рай, так меня дрожь пробирает...

Паскаль был смущен: обе эти женщины, никогда ему не прекословившие, покоренные его жизнелюбием и добротой, боготворили его, а теперь они вдруг взбунтовались. Он уже раскрыл было рот, чтобы осадить их, как вдруг почувствовал всю бесполезность спора.

— Ладно! Оставьте меня в покое! Пойду работать, так будет лучше... Но потрудитесь мне не мешать!

Легким шагом он направился к себе в комнату, где у него было устроено некое подобие лаборатории, и заперся там. Паскаль строго-настрого запрещал входить к себе, потому что он занимался какими-то особыми опытами, в которые не посвящал никого. И тотчас послышался медленный, размеренный стук пестика в ступке.

— Ну вот, теперь он, как говорит бабушка, занялся своей дьявольской стряпней, — сказала, улыбаясь, Клотильда.

И снова она принялась не спеша срисовывать цветок штокрозы. Она с математической точностью набрасывала контуры лиловых с желтыми прожилками лепестков, передавала все оттенки, вплоть до самых тончайших.

— Какое несчастье! — пробормотала через несколько минут Мартина, снова усевшись на пол чинить кресло. — Такой праведный человек и так попусту губит свою душу! Ведь ничего не скажешь, тридцать лет

я его знаю, и ни разу он не сделал никому зла. Вот уж поистине золотое сердце, последнее отдаст. И такой он добрый, и всегда-то бодр и весел — божье благословение, да и только! Одна беда — не хочет примириться с господом богом! Правда, барышня, надо его заставить!

Удивившись такой необычной словоохотливости служанки, Клотильда ответила со всей серьезностью:

— В самом деле, Мартина. Мы его заставим, обещаю тебе!

Снова наступило молчание, как вдруг задрезжал звонок у входной двери. Его повесили внизу, чтобы о приходе посторонних было слышно во всех уголках дома, слишком обширного для трех его обитателей. Служанка удивилась и, пробормотав себе под нос: «Кого это принесло в такую жару!» — встала с пола, вышла на лестницу, наклонилась над перилами и, вернувшись, объявила:

— Госпожа Фелисите!

И тотчас на пороге показалась сама г-жа Ругон. Несмотря на свои восемьдесят лет, она легко, точно молоденькая, взбежала наверх: смуглая, худощавая, подвижная, она так же, как и в молодости, походила на цикаду. Теперь она одевалась очень элегантно, ходила в черном шелковом платье, и талия ее была по-прежнему так тонка, что со спины ее можно было принять за молодую женщину, увлеченную честолюбивыми замыслами или любовной страстью. Кожа на ее лице высохла, но глаза сохранили былой блеск, и она по-прежнему умела расточать обольстительные улыбки.